

Г 2006

320 К

Абдижамил
НУРПЕИСОВ

И БЫЛ ДЕНЬ...

Г 2006 / 320

**Абдижамил
НУРПЕИСОВ**

И БЫЛ ДЕНЬ...

КНИГА ПЕРВАЯ

Алматы,

өлке
БАСПАСЫ

2005

ББК 84қаз7

Н 90

Н 90 Нурпеисов А.

И был день. Книга первая. — Алматы. Өлке, 2005. — 504 с.

Перевод с казахского Г. Бельгера, А. Кима

ISBN 9965-742-04-9

Над этим романом-дилогией крупнейший прозаик современности, лауреат Государственной премии СССР, автор знаменитой трилогии "Кровь и пот" Абдижамил Нурпеисов проработал без малого четверть века. Это глубоко реалистическое полотно, философское осмысление поистине неохватной трагедии народа — гибели Арала. В романе бушуют страсти многотрудной человеческой судьбы.

Море мелеет, рыба уходит, берега безлюдеют. Страшное зло — карьеризм, жизнь сегодняшним днем, корысть, ложь, демагогия ржой подтачивают вековые нравственные устои. Исковеркана природа, исковерканы судьбы людей.

Есть в этом романе жестокая ясность, холодная необратимость вывода. Идеи врезаны четко, как следы в лед, но четкость их непрочна, как обманчива крепость льдины, уносящейся в море. Читателя волнует и увлекает нечто непредсказуемое, поднимающееся из темной и живой глубины, бездонно шевелящееся под тонким льдом...

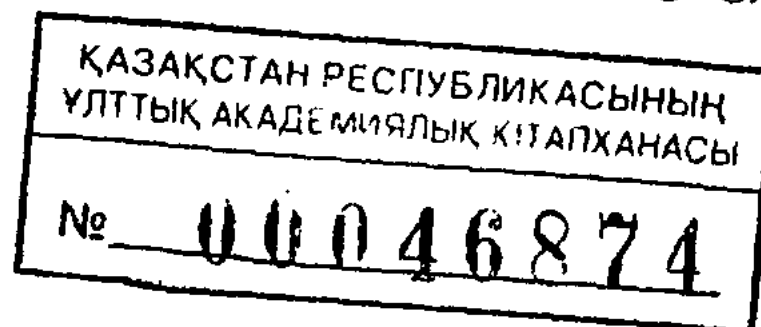
ББК 84қаз7

Н 4702250200
00(05) — 05

ISBN 9965-742-04-9

© А.Нурпеисов, 2005.

© Өлке, 2005.

Я не чинил людям зла...
Я не убивал...
Я не преграждал путь бегущей воде...
«Книга мертвых».

Оправдательная речь умершего
в посмертии перед Богом.
(Из древнего египетского папируса.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Высокий темноликий человек, сутулясь, оглядывался на свои следы. Он смотрел долго и завороженно, силясь что-то понять и еще не сознавая, что это вдруг привлекло его внимание. Просто оглянулся назад, туда, где в зимней мгле темнел рыбацкий аул, и взгляд его, скользя ненароком, задержался на этих следах по ранней пухлой пороше. Неровные, тяжкие следы усталого человека... Он сам не знал почему, но вид их вызывал в нем глухую тоску. Было в них что-то несуразное, не в ладу со всем окружающим, — что они напоминали, почему тревожили? Постой... да не саму ли жизнь твою... Не эта ли несуразность твоя все тринадцать лет

угнетала Бакизат? И вот чем кончилось — одинокий, неприкаянный, с утра томишься ты на пустынном ледяном поле.

Не зря кем-то сказано: жизнь на исходе лет — что ветошь драная. Должно быть, в минуту отчаяния молвил кто-то эти слова, исполненные безысходной печали, а вот сейчас они вспомнились тебе, стали и твоими тоже. Может, ты никогда и не произносил их вслух, однако в душе давно предчувствовал, пусть смутно, но знал, что именно к этому, а не к чему-либо другому придет ваша супружеская жизнь. Но так уж создан человек: в пору радости и благополучия он отгоняет все мрачные предчувствия. А ты тогда был просто оглушен нежданно свалившимся, нет, — обрушившимся на тебя счастьем. После свадьбы ты, дипломированный специалист, точно в небеса взвился, земли под собой не чуял. Хвала и лесть аульчан, сбывшиеся мечты кружили голову, надежды пьянили. И все же в глубине души ты знал, что еще скромны твои заслуги и достижения в жизни. Твой отец, рыбак, безногим вернувшийся с войны, давно умер. Ты мог полагаться только на старую мать-пенсионерку да на собственные мосластые руки. Сильных родичей и близких нет и вовсе. Правда, двоюродный брат отца Сары Шая... Однако этого стервеца лучше бы у тебя и

не было... А много ли достигнешь в этой жизни, уповая лишь на одного себя?

Но то было до женитьбы... О, как ты ликовал в тот день, когда вручили вам дипломы! На радостях новоиспеченные специалисты всю ночь напролет гуляли — пели, шумели, резвились, тревожа сон горожан. А наутро, сполоснув гудящую голову под холодной струей из крана, ты собрался в дорогу, заспешил в родной аул, весело напевая под нос незатейливую песенку: «О Арал, мой Арал, синее раздолье...» Твоя невеста ненадолго задерживалась в городе, ты же до ее приезда полагал скорее устроиться на работу по специальности.

Провожала тебя Бакизат с подругами. На вокзале было многолюдно и шумно. Перед самым отходом поезда девушки вдруг расшались, пристали к жениху с невестой: «Поцелуйтесь!..» Ты, робея, смущенно поглядывал на Бакизат. А она в ответ с едва уловимой досадой подмигнула тебе: дескать, не обращай внимания, мало ли что взбредет в голову подружкам. Но проказницы не отставали и, похихикивая, все подталкивали вас друг к другу. Бакизат казалась чем-то подавленной. На будничном лице ее мелькнула слабая улыбка. Чтобы отвязаться от наседавших подруг, она поднесла к алевшим губам своим

кончики пальцев, изобразила звучный воздушный поцелуй.

Поезд тихо тронулся. Ты в несколько прыжков настиг свой последний вагон, вскочил на подножку. И пока пассажирский состав медленно утягивался за поворот, ты, свесившись с тамбура, во все глаза смотрел туда, на перрон, где оставалась твоя невеста в окружении подруг. Она помахала рукой, и вдруг с внезапным озорством состроила плаксивую гримасу. Вздернула на сторону подбородок и смахнула пальчиком воображаемую слезу. Девушки умирали со смеху.

А поезд между тем набирал скорость. Мимо иных станций проносился вихрем. Мелькали разъезды, саманные домишки с огородами... чья-то жизнь... безвестные судьбы... Гурьевский прицепной вагон с грохотом мотало из стороны в сторону, того и гляди, снесет на полном ходу с рельсов. Давно перевалило за полночь, близился рассвет, а сон все не шел. Храпели пассажиры. Всю ночь ты так и не сомкнул глаз. Думал о Бакизат. Как не похожа была она, провожавшая тебя в тот день, на ту светоносную, легкую, которую ты знал все прошлые годы. Не в том ли была причина, что вдруг ни с того ни с сего разладились ее отношения с Азимом? Ведь

незадолго перед этим ходили упорные слухи, что она вот-вот выйдет замуж за него, и никто, и ты тоже, ничуть в том не сомневался. И вдруг однажды... Как же это так? Ты недоумевал. И все ребята из Аральска, обучавшиеся в столице, тоже диву давались, недоуменно расспрашивали друг у друга, что же у них случилось? Но никто ничего толком объяснить не мог. А вскоре... всего через несколько дней после их размолвки... всех земляков твоих ошарашила весть о твоей женитьбе на Бакизат. Это казалось им вовсе непостижимым, прямо-таки в голове не укладывалось. Да и ты сам в те дни никак не мог поверить своему столь неожиданно обрушившемуся счастью. В самом деле, разве ты мог надеяться хоть на что-нибудь, когда между вами с Бакизат стоял сам Азим?! Но, как бы там ни было, ты не чуял под собою ног. Ты обезумел... И в самом деле, такое тебе не могло привидеться ни во сне, ни наяву, и ты не осознавал толком, что и как все получилось. В те дни ты птицей витал где-то в облаках. Там, внизу, на темном и душном асфальте города суетились, куда-то спешили озабоченные люди, а ты парил себе безмятежно между небом и землей, подставляя разгоряченную голову всем заоблачным ветрам. И лишь каждый раз при

свиданиях с Бакизат розовый туман твоих восторгов мгновенно развеивался, истаивал, и ты вновь возвращался к серым житейским будням. В чаду затяжного зимнего смога город у подножия сурово вздыбленных гор казался угрюмым, как невыспавшийся человек. Грязно-серыми были асфальт, дома. Серыми были улицы. Невзрачно-серыми — люди. Разбрызгивая серую грязь, носились, мельтешили повсюду серые машины. И, словно не желая выделяться в этом однообразном мире, твоя невеста тоже одевалась во все серенькое, и таким же грустным и серым было ее лицо. И стояла она перед тобою, уныло и обреченно, носком туфли ковыряя землю, и ты, конечно, догадывался о причине всего этого... И стоял перед ней, не в силах вымолвить слово, и обреченно смотрел на носки своих обшарпанных ботинок...

Но как, однако, мотает на верхней полке прицепного вагона! А ты все вспоминал Бакизат и ее подружек...

— Эй, парень! Подъезжаем к Аральску...

Ты вскочил. Быстро собрался. И, едва спрыгнув с поезда, который тотчас стронулся и стал отходить, ты сразу почувствовал, как жарко на твоей милой родине, где теперь до самой осени будет нещадно палить солнце с

раскаленного аральского неба. Неоднократно налетит со степи знойный, обжигающий суховей, испепеляя все вокруг. Особенно невыносимой становится летняя жара в полдень, когда, кажется, сама тень истлевает, скорчившись, будто стараясь упрятаться под стены приземистых домов, уйти под чахлые пыльные деревца на узких и кривых улочках маленького городка, резко пахнущих солончаковой пылью, перекаленным саманом.

Целую неделю обивал ты пороги учреждений в поисках работы. Вопреки твоим наивным упованиям, куда бы ты ни заходил, никто, ни один чинуша не встречал тебя с распростертыми объятиями. Едва переступал порог кабинета, как его хозяин, словно бодливый козел, вскидывал на тебя хмурый, неприязненный взгляд, а стоило лишь заикнуться о работе, тотчас становился безразличным и уже более не вел ни ухом ни рылом, закапывался с головой в бумаги. Ты не знал, куда деваться, продолжать ли стоять, утирая пот со лба, или попятиться, вывалиться поскорее в ту дверь, через которую только что робко вошел. Бесплодное хождение становилось невыносимым и унижительным, и вскоре носки твоих истоптанных парусиновых ботинок протерлись до дыр.

И вот однажды... Хоть смейся, хоть плачь! В тот день Бакизат должна была приехать вечерним поездом. Ты, как обычно, с утра уже бегал в поисках работы и оказался в каком-то задрипанном учреждении, расположенном на окраине маленького городка. Это был твой последний шанс. Кое-как преодолев робость, ты приоткрыл дверь крошечного кабинета, где сидел толстяк с расплывшимся мясистым лицом и обвислым двойным подбородком. Тебя охватил страх. Едва переступив порог, ты было остановился, но нет... вопреки твоему ожиданию, этот толстяк не вскинул на тебя, как другие, недружелюбно-настороженного взгляда, хотя поначалу тоже внимательно уставился в нежданного посетителя маленькими, с пуговку, глазками, но они, к твоей радости, тут же потеплели. С тех пор прошло тринадцать лет, но ты и по сей день не знаешь, то ли он обрадовался, что хоть кто-то пришел в ту самую пору, когда он помирал от жары и не знал, куда девать свое непомерно большое тело, едва помещавшееся в этот залитый южным солнцем душный кабинетик или, как знать, может быть, ему показалось забавным, что тот, кого он принял за взрослого человека, оказался нескладным застенчивым юнцом. Как бы там ни

было, в буравчатых зрачках поросячьих глаз вдруг заплясала веселая искорка.

— Входи! Входи! — сказал он, удивленный тем, что застенчивый юноша, застыв у порога, не смеет подойти поближе и все мнет, тискает обеими руками полинялую старую кепку. — Ну, смелей! Проходи!

Добродушный толстяк, обмахивая себя газетой, просматривал твой диплом и, кажется, с явным одобрением бормотал невнятно: «Да! Да!.. Гм-гм!..» — потом вдруг поднял голову и спросил:

— Значит, тебя зовут Жадигер?

— Жадигер, агай, — подтвердил ты и радостно подумал, «может, наконец-то, повезет!». Сердце забилося сильнее.

— А знаешь... кажется, одного батыра из эпоса тоже звали Жадигером. А ты... ты, — то ли удивляясь, то ли радуясь удачно подвернувшемуся сравнению, толстяк оглядел тебя с головы до ног и хохотнул, — смотри-ка, да ты тоже малость на батыра смахиваешь. И ростом вышел, голенастый такой. И этот... отросток твой... тоже небось немалого размера, а? Ха-ха-ха!

Веселый толстяк откинулся на спинку охнувшего под ним стула, откинул голову и хрипло, с жирным клекотом захохотал. Твой

небольшой жизненный опыт подсказывал, что бывают иные добродушные дяди, которые перед тем, как облагодетельствовать кого-нибудь, испытывают потребность сначала малость покуражиться, как бы в кошки-мышки поиграть, наслаждаясь своей властью.

— Слушай... выходит, ты сын достопочтенного рыбака Амиржана?

— Да, агай.

— Да, говоришь... Значит, сын того Амиржана, что жил на этом берегу, а не на том. Так?

— Мы с этого берега...

— Апырай, а?! Если ты, сын почтенного Амиржана, который жил на этом берегу, а не на том, — стало быть, ты, черт долговязый, из рода Жакаим?

— Да, агай. Мы из рода Жакаим...

— Ну и хорошо, хорошо... Только скажи-ка мне теперь, вы Жакаимы верховий или низовий?

Ты замялся, не зная, что означают эти загадочные «верховий» и «низовий».

— Ну, говори, ты из каких жакаимцев — морских или сухопутных?

— Наверное, морской...

— О, Аллах, выходит, мы с тобой одного рода. И я, кажется... помню тебя еще сопливым мальцом... о-ха-ха-ха!..

Ты не обиделся, наоборот, тебе было приятно, что веселый толстяк оказался твоим сородичем. И не просто сородичем, а близким — из рода морских жакаимов.

— Значит, выходит...

Ты ничуть не сомневался, что сейчас услышишь из уст этого добродушного веселого человека, который одного с тобой рода-племени, долгожданные слова о назначении на работу. О, тогда... к приезду Бакизат кончатся твои мытарства. Все будет улажено, останется лишь отпраздновать вашу свадьбу! Нет, не зря, видно, сегодня с утра дергался у тебя правый глаз: это ведь, говорят, к добру, к везению. «Может, еще и к себе на работу возьмет?» — мелькнула робкая мыслишка. И в надежде услышать сейчас обо всем от сородича, ты несмело воззрился на него. Поймав твой взгляд, дородный морской жакаим тяжело качнулся на скрипучем стуле и почему-то снова хохотнул.

— Слушай, если ты из морских жакаимов, то должен знать припевку о нашем роде... О морских жакаимах. Забавная такая:

О, жакаим, жакаим!

Велика ли слава:

Воды соленой нахлестался —

Аж трещат суставы...

— Ну и как?

— Что вы, ага... Это аульные остряки придумали, друг над другом подшучивать...

— Шутка, думаешь? Нет, суровая жизненная правда. Если хочешь знать, дорогой, у человека, постоянно пьющего соленую воду, откладывается соль в суставах. В медицине это так и называется — отложение солей. И потому у него суставы трещат. Гены, понимаешь! А ну, давай-ка, пройди взад-вперед. И если ты истинный морской жакаим, то, Аллах свидетель, и у тебя при ходьбе должно стрелять в пятках!..

И тут веселый толстяк всей своей кабаньей зашейной опять отвалился на спинку стула и зашелся неудержимым стонущим хохотом. Хохотал так, что забулькало частыми толчками его упирившееся в край стола брюхо. Исчезли, запропали вовсе, превратясь в две щелочки, его поросячьи глазки. Только мокрый рот по-рыбьи хватал воздух... Ты схватил со стола свои «корочки» и метнулся вон из кабинета. И, уже больше никуда не заглядывая, поспешил на станцию, встречать Бакизат.

С тех пор прошло тринадцать лет. Толстого жакаима ты больше не встречал. Впрочем, нет... Однажды, спустя многие годы, увидел его неожиданно в столице, в президиуме совещания.

Он тебя не заметил, и ты тоже не подошел к нему. Но от тех шуточек толстяка-сородича у тебя и сейчас еще, случается, горят уши. Все чудится, будто опять норовят тебя уязвить, обозвав сопливым мальцом... А мать Бакизат, твоя разлюбезная теща, и поныне твердит, не скрывая своей неприязни: «Запомни, зятек, это мы тебя в какие-никакие люди вывели!..»

Да, влиятельные родичи жены имели широкие связи и в городе, и в аулах. И надо отдать им должное, в первое время они с ходу подхватили тебя, словно бурное течение лодчонку. Но ты, к несчастью, не умел идти на поводу. Сколько раз, когда, заручившись поддержкой самого Ягнячьего Брюшка, первого секретаря райкома, тебя хотели перевести в город, на хорошую должность, но ты, лишенный честолюбия, в самый решительный момент всегда отказывался, вдруг заартачась, словно верблюду у брода. И кто знает, что было бы с тобой без их хлопот и забот, хоть ты десять вузов кончай. Наверняка бы оказался первым дипломированным рыбаком со дня сотворения синего Арала в этом краю и хлюпал бы сапогами по соленой воде, тянул сети. Впрочем, теща твоя и поныне ехидно похихикивая не перестает называть тебя «наш дипломированный рыбак».

Что ж, пусть смеется... Теперь, небось, вволю потешит душу!

* * *

Высокий темноликий человек все еще не отрывал глаз от своих следов. И чем пристальней вглядывался он в эти следы, тем больше не признавал в них себя — прежнего. Да, прежде он был не таким, и следы были у него другими. Ходил он, прежде чуть приволакивая ногу, оставляя за собой неуверенные, тягучие следы, а сегодня с ним явно что-то стряслось. Особенно, смотри, вон в том месте, где шагал ты размашисто, бешено, будто гнал тебя сжигавший душу некий безудержный неистовый гнев. Выглядел ты, должно быть, в тот миг не наилучшим образом. Небось встопорщились густые заиндевевые брови, побелели от злости большие глаза, и был ты, дружок, страшен, будто только что из пламени вырвался, сжимая отяжелевшие, словно литые из чугуна, кулаки...

Хорошо еще, что в эти минуты тебя не видела Бакизат... А увидела бы — наверняка ожгла тебя темным взглядом: «Ох, уж этот твой собачий характер!..» Слава Всевышнему, надоумившему вовремя уйти из аула, не то — кто знает, что бы ты еще мог натворить в порыве бешенства. И вот надо же было тому случиться, что последней

каплей в чаше терпения стал Сары Шая. Способный хоть кого вывести из себя, ворвался родственничек сегодня утром к тебе в кабинет: «Ой-бай-ау, где... где честь твоя мужская? Ладно, пускай ты не дорожишь мужской честью, но есть же еще честь рода! Ради чести рода твои предки разве не шли на смерть?! И если ты не пойдешь на это, я сам пойду. Или умру, или убью! Но кровь пролью! — выпалил Сары Шая, весь дрожа от гнева. — Вижу, ты не дорожишь мужской честью. Тьфу, тюфяк!». И тут ты сорвался, не сумев укротить себя. Вспоминая свою безумную ярость, ты готов сгореть от стыда даже теперь, здесь, среди открытого всем ветрам пустынного моря.

Бакизат права. Собачий характер!.. Разве не так? Не твой ли несносный характер всему виной? Не из-за него ли все твои беды? Не из-за него ли ты, не находя себе места ни дома, ни в степи, теперь томишься неприкаянно с раннего утра на заснеженной пустынной льдине?

Пали, наконец, морозы, и залив под крутым берегом схватился молодым ледком. Резкие холода последних дней прочно сковали побережье, и теперь ледяная гладь припая протянулась едва ли не до самого горизонта. Ошалело выбежав сегодня утром из аула,

одиноким человеком побрел по упругому молодому льду и, почти дойдя до его опасной, прогибающейся кромки, за которой дымилось открытое море, остановился. А теперь уже за полночь. Короткий зимний денек быстро идет на убыль. Но человек все на том же месте, где остановился утром. И мысли его, не сдвинувшись, топчутся там же. Уже ледяной холод незаметно пробрался сквозь подошвы сапог, а холод одиночества достиг, кажется, самого сердца, но он все продолжал стоять. Возвращаться обратно по своим следам он сейчас не в силах. Но так же и не мог идти вперед, как шел и шел без оглядки утром, ибо там, впереди, в каких-нибудь трех шагах, исходя белесым паром, дымится тяжелая зимняя вода.

Нет покоя сегодня морю.

Оно глухо ревет, ворочается, и оттуда, из безбрежной дали, доносится нескончаемый утробный гул, летит сизая изморось. А остальной мир будто объят печальной тишиной. Сегодня на рассвете хлопьями повалил снег и выбелил, высветлил порошей все вокруг — и неприглядно черневшую за Бел-Араном степь, и хмурое ледяное поле, ощутимо зыбившееся под ногами. Вокруг — не за что зацепиться взглядом, лишь волочащиеся за тобой, нагнетающие уныние,

вялые твои следы. Хоть и взъярились, было, ненадолго вон в том месте, но и они вскоре утихомирились, обессилели и покорно легли тебе прямо под ноги. Странно, тебе почему-то кажется: стоит сейчас чуть всколыхнуться, чуть оттолкнуться ногой от земли, и эти твои следы тоже вдруг вскинутся и потрусят, разбегутся, словно бездомные бродячие псы, Бог весть куда.

Чему ты усмехаешься? Следам своим? Или себе самому? Как бы то ни было, еще одна горячая обида, тут же кинувшаяся жаром в лицо, вмиг обожгла и сердце. И на душе кошки заскребли... Как знать, быть может, эти вялые следы, отпечатки твоих неудач, могущие вызвать уныние у кого угодно, вечно раздражавшие Бакизат, сегодня задевают и твое самолюбие, дружок, и ты не знаешь, на ком выместить свою ярость? Но на ком? Почему так устроен человек, что, будучи виноват сам, ищет вину в других? Вот и ты... да, ты, почему, с какой стати винишь во всех бедах не свой несносный характер, а пытаешься спихнуть все на свои следы? А ведь, согласись, когда ты сегодня не находил себе места от жгучей обиды, погнала тебя безоглядно в открытое море вовсе не следы твои. Если на то пошло, разве не ты сам приволок их сюда за собой? Да, сам. Ну и подумай, станет ли человек

в здоровом уме допускать мысль, что возможно отделить свои следы от себя самого, а себя от следов? Да и попробуй, отрекись от них, откинь их от себя, эти унылые следы, оставленные усталыми шагами утомленного жизнью человека, когда они не чьи-нибудь, а твои... Да, твои! Гляди, разве они не отражают твою суть? Коль уж так, то почему хочешь отречься от собственных следов? Нет, дружище. Все твои неурядицы, невезение, нескладность твоя — не камень, который, подойдя к морю, можно зашвырнуть в пучину. Нет, и не затопчешь своих следов сапогами. Так скажи, до каких же пор собираешься торчать на открытом всем ветрам ледяном поле судьбы? Где, каким ты был раньше, чтобы сейчас захотеть избавиться от всего, что претит тебе самому?

Нет, раньше все же ты был другим. Раньше, поглощенный заботами, разве имел ты возможность рассматривать собственные следы — ты даже лишний раз оглянуться не мог. Совсем еще недавно и в тебе, и вокруг тебя все было по-другому. А теперь?.. Но и теперь небо не обрушилось. Земля не разверзлась. Все так же светит солнце. И люди пребывают вроде бы во здравии и покое. Так-то оно так. Но только с тобой что-то случилось. Да и твоих земляков

как подменили... Вспомни, разве в былые времена, если после затяжного осеннего ненастья вдруг обрушивалась крепким морозцем зима и залив под кручей за одну ночь затягивало тонким льдом, — разве сидели бы, как сейчас, сложа руки, мужчины прибрежных аулов? О, кого из потомственных рыбаков не охватывала радость при появлении первого берегового припая! Кого не тянуло первым выйти на молодой упругий ледок, чтобы весело, рискуя, испытать его прочность? Ставить первую сеть под молодым льдом — дело для рыбаков всегда радостное и священное, как для дехканина по весне с молитвенными словами на устах бросить первую горсть семян в свежевспаханную землю!..

Что и говорить, в такой день раньше всех вставал все же ты, первым делом отправлялся на конюшню. Широко распахивал прихваченные морозцем ворота. Густой, устоявшийся запах зеленого курака с порога обдавал тебя. Гнедой, со звездочкой во лбу, чутко дремал в стойле в дальнем, темном углу конюшни. Почуяв хозяина, он негромко всхрапывал. Ты привычным движением накидывал узду, набрасывал на спину пропахшее потом седло, сильным рывком стягивал подпругу. С коня еще не сошла сонная истома, и оттого он покладист и послушен. И когда

рослый сутулый мужчина, ловко, едва коснувшись стремени, всей своей тяжестью вдруг опускался в седло, конь на мгновение оседал, переступая ногами, но тотчас укреплялся телом, обретал устойчивость. И в сумеречных еще глазах его под набрякшим надглазьем вспыхивал лиловый затаенный огонь. И, нервно косясь по сторонам, конь норовил повернуть на привычную тропу к знакомому лугу за аулом, однако ты властным движением руки направлял его к побережью. Раздосадованный конь мотал головой и с нервной злостью мелко перебирал копытами по гулкой мерзлой земле. И тогда ты, осердясь на него, крепче натягивал поводья и стискивал шенкеля так, что у коня, казалось, вот-вот затрещат ребра. Ощувив властную силу ездока, конь поворачивал куда надо и уже через минуту послушно нес тебя легкой широкой рысью.

А между тем занималось утро. Мороз поскрипывал, пощипывал, от ладной быстрой рыси забрасывало в лицо холодным сиверком, и душа твоя, джигит, словно обретала крылья. Снизу, из-под копыт летели снежные ошметья, тотчас рассыпавшиеся в белую пыль. А по всей степной шири, причудливо горбятся, волна за волной уходили вдаль сугробы. Конь под тобой шел легко, с глухим топотом и мерзлым визгом

снега вспахивал сувои, а в глубоких местах прокладывал себе путь чуть ли не грудью, не сбиваясь при этом с размашистой рыси и все более распалаясь. И неудержимо рвался конь вперед, одолевая перевал за перевалом, пока не достигал косогора, за которым во всей своей шири вдруг открывалось, играя и слепя солнечными бликами, безбрежное море. О, какие это были дни! Едва вымахнув на крутояр, ты, словно над всем своим Приаральем, осаживал коня и, встав на стремяна, вытягивался, вглядываясь с орлиной высоты в эту полную блеска и света даль, и каждый раз от неудержимого восторга подкатывало и замирало сердце. Разве можно, глядя в беспредельную даль моря, удержаться рыбаку от счастливой улыбки? И нет под тобой ни коня, ни тверди — ты со своим рвущимся из груди сердцем весь там, в этом вечно манящем, вечно удаленном просторе!

Обманчивый, призрачный, бранный мир! Нет, не все он забрал — и на твою долю выпадали прежде такие вот счастливые дни! Ты давно понял, что предкам твоим, бесхитростным скотоводам, было ведомо немало мудрых истин; это они сокрушались: напрасно искать след минувших дней. В самом деле, где они теперь, эти тени